

Такая строгая секретность была необходима ещё и потому, что, хотя Сюэ Кайчао был почти наполовину драконом и наполовину человеком, эти две крови не могли мирно сосуществовать, постоянно борясь друг с другом, что создавало врождённую слабость.

Лучшим решением было бы постепенное совершенствование его мастерства, чтобы человеческая кровь развивалась и в конечном итоге сравнялась по силе с изначально могучей кровью дракона, став равноправной.

Худшим сценарием было бы, если бы два тигра боролись друг с другом, пока не истощили всю жизненную энергию и духовную силу, приведя к полному угасанию.

Но совершенствование — это процесс, который нельзя ускорить, поэтому приходится двигаться постепенно. Именно поэтому большую часть своей жизни Сюэ Кайчао провёл в борьбе за выживание, а Сюэ Лу слишком долго бездействовал перед отставкой, и нынешняя ситуация, возможно, была результатом их собственных ошибок.

Но отец и сын имели негласное соглашение, избегая взаимных обвинений, и после вежливого разговора Сюэ Кайчао не задержался надолго, сразу отправившись в обратный путь.

После посещения дворца, чтобы попрощаться с двумя императрицами, он мог отправиться обратно в Лоян. Хотя было известно, что он не задержится, известие о том, что он попросил аудиенцию на следующий день, удивило его дядю, который поспешил прийти.

— Ты только что прибыл, а уже спешишь уехать? В любом случае, нужно дождаться твоего дня рождения, чтобы отправиться в путь. В прошлые годы ты был в Лояне, и мы не могли отпраздновать твой день рождения, но теперь, когда ты в Чанъане, нельзя упустить возможность устроить праздник.

Его дядя был похож на Сюэ Лу на пятьдесят процентов, но гораздо более дружелюбен. Разговаривая с племянником, он говорил мягко, с ноткой усталости от управления огромной семьёй:

— Я знаю, что ты не любишь шум, но некоторые вещи должны быть. Иначе я буду плохим дядей. Мы устроим праздник только в своём доме, так что это не будет слишком громко.

Сюэ Кайчао, услышав это, не стал настаивать. Он вырос в Лояне до двенадцати лет, а после смерти матери, так как Сюэ Лу не хотел воспитывать ребёнка, его отправили в главное поместье, и он был ближе с дядей. Он не мог не прислушаться к его мнению.

Видя его колебания, Сюэ Юань продолжил:

— Ты посвятил себя совершенствованию и принял должность Владетеля Жетона от второго брата, с девятнадцати лет ты живёшь в Лояне. Иногда кажется, что твоё пребывание здесь было только вчера. Я знаю, что ты уже вышел за пределы мирских забот и не придаёшь значения человеческим чувствам. Но мой уровень мастерства слишком низок, чтобы достичь этого, и я хочу сделать что-то для тебя.

Эта эмоциональная речь вызвала молчание Сюэ Кайчао. Они сидели друг напротив друга, и, возможно, сами этого не замечали, но Шу Цзюнь, наблюдавший за ними из угла, чувствовал странное несоответствие.

Возможно, Сюэ Кайчао был слишком спокоен, и всё, что говорил Сюэ Юань, казалось монологом.

Но Шу Цзюнь не знал Сюэ Юаня достаточно хорошо. Если он говорил мягко, то был уверен в себе, и если Сюэ Кайчао не отказывался, это было почти согласие. После короткого молчания Владыка Цинлинь наконец сдался:

— Хорошо.

Его дядя с улыбкой удовлетворения не стал задерживаться и ушёл, оставив Шу Цзюнь смотреть на его исчезающую спину, а затем на Сюэ Кайчао.

— Когда день рождения у господина?

Он не задал вопрос, который действительно интересовал его, а спросил о второстепенном.

Сюэ Кайчао вернулся от двери и сел на мягкую кушетку, одновременно ответив:

— Шестое марта.

Дата была символичной, хоть и не праздничной. Зелёный жетон, связанный с ростом, имел связь с весной, и это совпадение казалось удивительным.

Шу Цзюнь свернулся калачиком и промычал в ответ. Сюэ Кайчао открыл книгу, которую читал до визита Сюэ Юаня, и, не поднимая головы, провёл рукой по его лицу:

— В тот день не уходи далеко, оставайся здесь.

Это напутствие было немного необычным. Шу Цзюнь подумал, что его согласие означало, что слова Сюэ Юаня, хоть и слишком эмоциональные, всё же тронули его, и он с недоумением посмотрел вверх.

Сюэ Кайчао не стал объяснять.

Хотя во время его пребывания здесь Сюэ Юань действительно заботился о нём, их отношения нельзя было назвать близкими. Когда Сюэ Кайчао приехал, ему было уже почти двенадцать, и он помнил своих родителей, а также смерть матери, что делало его трудным для сближения. А затем он слишком быстро вырос, избавившись от поверхностных чувств и став равнодушным и неприступным.

Сюэ Юань старался, но это было лишь немного лучше, чем с Сюэ Лу. Их связь была неизбежна из-за их положения, но настоящей близости между ними не было.

Для Сюэ Кайчао это просто не имело значения.

Ведь их пути были разными. Сюэ Юань был представителем семьи, мягким и сдержанным, а Сюэ Кайчао не имел таких ограничений, и его стиль действий был похож на Сюэ Лу, что вызывало головную боль.

Его согласие остаться на день рождения стало для Сюэ Юаня достижением, и он быстро начал готовиться.

Хотя говорилось, что праздник будет только в доме, на самом деле он был ещё более пышным, чем предыдущий банкет. Гости прибывали толпами, и все знатные семьи города, имевшие право, пришли. Праздник был наполнен духом бессмертных, от напитков и блюд до музыки — всё следовало традициям семьи Сюэ, которые сохранялись сотни лет.

Ведь это был день рождения Владетеля Жетона, и он был так молод.

Из гостей Шу Цзюнь знал только Ли Пути, которая пришла рано, принеся подарок прямо во двор Сюэ Кайчао, и, обменявшись парой слов, отправилась вперёд.

Остальных Шу Цзюнь не только не знал, но и не имел возможности увидеть — он послушно оставался в своей комнате, а когда начался банкет, его присутствие было уже не нужно. Он мог только ходить по комнатам, проверяя свечи и окна, чтобы случайно не случился пожар.

Шум спереди не доходил до задних помещений, но звуки музыки иногда пробивались, наполняя дом. Шу Цзюнь читал «Комментарии к сутре Иньфу».

Эта сутра состояла всего из трёхсот с лишним иероглифов, и, даже если были незнакомые символы, выучить её полностью не занимало много времени. Но комментарии, подробные и обширные, объясняли каждый аспект, ссылаясь на другие источники, и были в десятки раз длиннее самой сутры, создавая идеальный материал для базового обучения Шу Цзюня.

Книгу нашла Ю Цюань, и Шу Цзюнь относился к ней серьёзно. Раньше у него не было возможности учиться, и он мог зачитывать до дыр даже театральные сценарии, но теперь, когда у него были все условия, он учился усердно. Помимо книг для начинающих, он также читал другие тексты, даже если не понимал их, просто чтобы запомнить.

На улице он не считал чтение чем-то важным, но, не имея возможности учиться, он ставил его на пьедестал, как будто, научившись читать, он переставал быть никем. Даже сейчас, если бы его спросили о пользе грамотности, он бы ответил просто: понимать истины и иметь практическую пользу.

Но он уже осознал, что по сравнению с окружающими он отстаёт, и сильно. У них были годы обучения, а у него не было, и оставаться позади навсегда было бы ужасно, поэтому он изо всех сил старался наверстать упущенное.

От уезда Цинъян до Чанъянь многие тратили всю жизнь, а Шу Цзюнь преодолел это расстояние за месяц. Это был настоящий ветер, поднявший его наверх. Впереди был ещё Лоян и множество бурь, готовых обрушиться, и, почувствовав приближение опасности, он не мог забыть о ней.

Как муравей в углу, который чувствует приближение дождя, когда люди ещё не замечают влажности в воздухе, он уже спешил запастись едой в своём гнезде, построенном во дворе Сюэ Кайчао.

Но чтение не заняло много времени. После наступления темноты, когда зажгли свечи, в доме началась суматоха. Шу Цзюнь вышел из своей комнаты и увидел Сюэ Кайчао, окружённого толпой людей, с неясным выражением лица. Ю Цюань, идущая впереди, быстро поднялась по ступеням, чтобы поднять занавеску, и одновременно сделала знак. Видя лёгкую тревогу на её лице, Шу Цзюнь поспешил за ней.

Лишние люди остановились у подножия ступеней, но напряжение в воздухе ощущалось явно.

Шу Цзюнь, получив указание, последовал за быстро идущим Сюэ Кайчао в спальню, где тот снял тонкий плащ и накинул его на него, вызвав небольшую суету. Шу Цзюнь снял плащ и положил его в сторону, а Сюэ Кайчао уже дошёл до кровати, дошёл до конца внутренней комнаты и, не останавливаясь, развернулся, поднял его и бросил на кровать.

Пахнувший алкоголем, Сюэ Кайчао лёг на него, но не стал ничего делать:

— Я пьян, кричи громче.

<http://bllate.org/book/16142/1445450>